

A man with a beard and grey hair, wearing a white shirt, stands in the foreground. Behind him, a woman with blonde hair, wearing a red off-the-shoulder top, looks over her shoulder. The background features a Christmas tree with red ornaments and lights, and a window with a wreath.

Саша БРАЙТ

РАЗВОД ПОД ЕЛКУ

В 45 все заново

София Брайт

Развод под ёлку. В 45 все заново

«Автор»

2025

Брайт С.

Развод под ёлку. В 45 все заново / С. Брайт — «Автор», 2025

— Как ты мог? И с кем? С подругой нашей дочери! Сестрой жены сына!— Не истери, Ксюша. Тебе не идет.— Тётя Ксюша мы не хотели вас обижать... — мямлит голая девица, прячась за спиной моего мужа.— Обижать? Да мы вонзили мне нож в спину! Двадцать семь лет вместе! И вот твоя благодарность. Малолетняя ш...— Поосторожнее с выражениями, Ксения! — говорит муж строго. — Ася не заслужила такого обращения.— А я заслужила?— Езжай домой. Ни к чему публичные скандалы. Мы позже поговорим.— Папа ты совсем охамел? — плачет дочь.— И Милану заberi. Так бывает, Ксюша. Я влюбился. Но ты моя жена и я вернусь к тебе.— Я не стану этого терпеть. Развод!— Лучше подумай прежде чем кидаться громкими фразами. Я ведь могу согласиться. И с чем тогда останешься ты, Ксюша? Любимый праздник превращается в ад, когда я узнаю, что после двадцати семи лет брака муж завел интрижку с подругой дочери. Но самое худшее, он предлагает мне подождать пока нагуляется, чтобы и дальше играть роль мужа.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

София Брайт

Развод под ёлку. В 45 все заново

Глава 1

– Мам, смотри? Как тебе? Думаешь, мне идет? – дочь берет с витрины модный ободок-кокошник, расшитый пайетками и бисером, и опускает на белокурую голову.

– Да тебе все идет, Мила.

Смотрю на нашу девочку и налюбоваться не могу. Дочке двадцать лет, и она уже не та крошка, которой я заплетала косы. Она выросла в настоящую красавицу, вслед которой сворачивают шеи мужчины. В ее возрасте я уже была мамой. А она не торопится с выбором. Говорит, что нет среди ее знакомых тех, кто дотягивал бы до уровня ее идеала. А идеалом для нее всегда был папа.

– Я даже придумала, к какому образу это подойдет. Помнишь то серебряное платье с открытой спиной и длинным разрезом? – крутится она перед зеркалом.

– Да, которое ты взяла на фотосессию для вашего девичника, – дочка долго щебетала, что она на фотографиях получится ярче всех.

– Теперь думаю, что буду современной Снегурочкой в новогоднюю ночь. А ты, мам? Решила, в чем встретишь Новый год?

– Есть у меня пара вариантов.

– На днях мы гуляли тут с Асей и видели платье, которое просто создано для тебя! – распахивает в восторге глаза дочь. – Давай заглянем в тот магазин и обязательно примерим.

– Хорошо, только давай сначала сюда зайдем, – киваю ей на любимый салон мужской одежды ее отца. – Хочу твоему папе рубашки обновить.

– Конечно. А ты уже приготовила ему подарок? – держит меня под локоть дочь, тесно прижимаясь.

– Да. Завтра должны доставить новый меч, – улыбаюсь, предвкушая реакцию мужа.

– Что, прям из Японии?

– Прямо оттуда, – испытываю по этому поводу особое удовлетворение, вспоминая, сколько мне сил потребовалось и денег, чтобы заказать меч для мужа у того самого мастера, о котором он прожужжал мне все уши, мечтая пополнить коллекцию своего холодного оружия.

– Да ну! – замирает Милана и смотрит на меня во все глаза. – Неужели правда удалось связаться с Йоши... как там его?

– Ямада, – заходим с дочкой внутрь салона. – Да! И я невероятно счастлива, что он согласился сделать именно меч для твоего отца.

– Мама, ему так повезло с тобой!

– Как и мне с ним.

Не только для дочки ее отец – эталон мужчины. Для меня Богдан всегда был, есть и будет вне конкуренции. В нем сочетаются все лучшие качества, которые должны быть в муже и отце. И все остальные мужчины проигрывают ему не только по внешним данным, которыми он привлек меня тогда, двадцать семь лет назад в университете, но и по остроте ума. А также никто не сравнится с ним в предприимчивости, надежности и заботе. Все это сочетается в нем удивительным образом, и с каждым годом моя любовь к мужу лишь растет.

– Мам, а давай еще Климу купим рубашку? Смотри, тут есть детские, – показывает она маленькую рубашечку. – Будут с дедом в одинаковых ходить, – хихикает она.

– А с папой? Для любимого братца ничего не возьмешь? – отдаю консультанту выбранные сорочки.

– Ну ты же его знаешь. Он тот еще зануда.

– Не наговаривай на Вадика, – выбираю размер рубашки старшего сына и отношу на кассу. – В новогоднюю ночь в доме у родителей он не будет капризничать. Особенно если его попросит сынок.

– Зато скривит при этом такую противную рожу, – морщится дочь.

– А мы Марину подговорим, – подмигиваю дочке. – Жене он точно отказать не сможет.

– Кстати, я заказала Деда Мороза и Снегурочку, как ты и просила.

– Спасибо, Милаша. У меня совсем вылетело из головы, что нужны аниматоры. Прием делегации партнеров твоего отца высосал меня досуха.

– Да, Лиля сразу оставила для нас окошечко. Вы так с папой нахваливали их агентство после дня рождения Климуски! Еще ты сделала им шикарную рекламу, после нее к ним поваляло очень много ваших знакомых. Теперь она считает тебя чуть ли не своей феей-крестной, – смеется дочь.

– Может, все же ее впечатлила та сумма, что перевел ей ваш отец?

– Как знать, мамуль, – пожимает она плечами. – Но знаешь, – напрягается, – мне кажется, она влюблена в папу.

– Милаш, все твои подруги влюблены в твоего папу. Да и вообще, знаешь хоть одну незамужнюю женщину, которая не была бы от него в восторге?

– Даже не представляю, как ты с этим справляешься, мумуль. Это же невыносимо – знать, что все хотят оказаться на твоем месте. Я бы от ревности давно сошла бы с ума.

– Все дело в доверии, дочка. Папа ни разу не дал усомниться в себе. Он никогда не обижал меня. Неважно, что хотят другие, главное, что ему самому нужна только я. Я это вижу не только на словах, самым главным доказательством его любви и преданности становятся его поступки.

– Хочу встретить мужчину, который будет любить меня так же сильно, как папа любит тебя.

– Обязательно встретишь.

– Ну что, примерим то платье, что я для тебя присмотрела? – тянет меня дочь к выходу.

– Конечно! Сегодня у нас девичник! Делаем что хотим! Только сначала по кофе! – время уже близится к вечеру, а мы так и не посидели в любимой кофейне.

Делаем заказ и садимся за столик, слушая новогодние мелодии и наслаждаясь предпраздничной суетой.

Вторая половина декабря – мое самое любимое время года. Это тот период, когда сказку ждут не только дети, но и взрослые. Кажется, что вот-вот произойдет чудо, которое непременно сделает жизнь еще лучше.

Мне нравится планировать праздник, подготавливать подарки для семьи и думать о праздничном меню.

А с тех пор как у старшего сына родился сын, Новый год вновь заиграл свежими красками. Создать волшебную атмосферу для ребенка так просто и в то же время так волнительно. Вот и наша семья ушла в подготовку праздника с головой.

Но и о простых мелочах, делающих нашу жизнь чуть слаще, мы не забываем. Например, я люблю сидеть вот так с дочкой в кафе, в перерыве во время шопинга, попивая кедровый латте, что я позволяю себе только по особым случаям. Такие моменты помогают мне почувствовать, насколько я счастливый человек, и тогда я не устаю благодарить жизнь за то, что все сложилось именно так.

– Мам, смотри! – привлекает мое внимание дочь, указывая на противоположную сторону этажа.

За огромной елкой, что расположена посередине торгового центра и устремляется вверх сквозь все четыре этажа, стоит Ася, свояченица нашего сына, и, кажется, с кем-то целуется. Только вот ее избранника не видно из-за елки и блеска гирлянд.

– Ух ты! А с кем это Ася? – выглядывает дочь, пытаясь рассмотреть лучше спутника сестры жены брата и по совместительству сокурсницы Миланы.

– Она разве не рассказывала, что с кем-то встречается? – мне всегда казалось, что у этой парочки нет друг от друга секретов. Милана и Ася дружат со старших классов. И на их выпускном, куда мы пришли всей семьей, Вадик увидел старшую сестру Аси и влюбился. С тех пор мы породнились и девочки стали еще ближе.

– Говорила, что есть поклонник, но тот вроде только активно ухаживал за ней.

– Что ж, кажется, ему удалось зацепить твою Аську, – за этой эффектной брюнеткой постоянно ухаживало множество парней. Но девочка знала себе цену и не разменивалась на легкие интрижки.

Видим, как подруга дочери тянет мужчину, что все еще остается скрыт от нас елкой, в магазин нижнего белья.

– Пойдем посмотрим на него! – глаза дочери загораются азартом.

– Милаш, ну если подруга не хочет пока афишировать свои отношения и представлять мужчину, то как-то это не слишком хорошо – шпионить.

– А мы не шпионить. Мы тоже прикупить бельишка, – дочь кидает на стол купюру и собирает наши пакеты. – Мам, ну, пожалуйста, – поднимается она на ноги и тянет меня за руку. – Мне жуть как интересно.

– Ладно, – не могу отказать ей. – Но только потому, что мне нужен новый домашний комплект.

– Конечно, мамулечка! Подберем тебе самый лучший. Такой, что папа ошалеет, увидев тебя в нем, – дочь сгребает остальные пакеты и чуть не пританцовывает от нетерпения.

Мы пробираемся сквозь толпу к тому самому бутику нижнего белья, в котором скрылась наша родственница со своим спутником.

В бутике непривычно много народа.

Милана оглядывается вокруг и понимает, что Ася уже в примерочной. Дочь сует мне в руки несколько ночнушек и халатиков и толкает к кабинкам.

– Мама, скорее, – торопит она.

Мы проходим мимо ряда примерочных. Дочь намеренно выискивает, в какой из них спряталась подруга. Замечает две пары ног под шторкой, мужские и женские, и впихивает меня в соседнюю кабинку.

– Ну, подожди ты, – хихикает девичий голос за стенкой. – Нетерпеливый. Здесь нельзя.

– Как же тут утерпеть, когда ты стоишь в таком виде, – меня прошибает током, когда я слышу знакомый голос. – Горячая моя девочка! Хочу тебя, сил нет!

Оцепенев, кажется, даже не дышу, думая, что это, должно быть, слуховая галлюцинация, пока сквозь льющиеся через колонки рождественские мотивы не прорывается крик дочки:

– Какого хрена, папа?

Глава 2

– Какого хрена, папа?

– Милана? – спрашивает голос, который я узнаю даже сквозь людской гомон и услышу посреди рок-концерта, потому что он принадлежит тому, чье настроение я могу прочесть даже по шепоту.

И сейчас я слышу в нем шок. Настоящий, неподдельный шок.

Но вряд ли он сильнее того, что испытываю я в эту минуту.

– Ася! Ты!.. Ты! Да как ты могла с моим отцом!

– Милана, успокойся!

Внутренности стремительно сковывает льдом. Холод расползается по венам, не давая возможности вдохнуть. Мне кажется, что если я сделаю вдох, то вынырну на поверхность в уродливый мир, где не останется места для нашего семейного счастья.

Словно на автомате, я иду на крики дочери. Боковым зрением замечаю любопытные взгляды. Но мне плевать на них, потому что сейчас меня заботит только то, что, кажется, моя семья рассыпалась как карточный домик.

– Вы мерзавцы! Подонки! Папа, ты не мог так поступить с мамой! Со всеми нами! – похоже, у дочери истерика, и я хватаюсь за эту мысль, как за спасительную ниточку, не дающую мне утонуть в ужасе случившегося. Нужно помочь ей, иначе я сама пойду на дно здесь и сейчас, с камнем в виде открывшейся правды на шее.

Подхожу к Милане, вижу ее бледное лицо и слезы, что струятся по щекам. Сердце обрывается от ее боли, потому что свою я пока не разрешаю себе прочувствовать в полной мере. Я боюсь посмотреть туда, куда направлен ее взгляд.

Слышу сбоку от себя тяжелый вздох.

– Твою мать, – произносит самый лучший мужчина на земле. Тот, кого мы с дочкой считали идеалом и кто так легко растоптал это звание.

– Ой, – пищит девчонка.

– А притворялась подругой! Да ты змея! – кричит дочь и кидается в кабинку, но я вовремя ее перехватываю, останавливаю. А подружка дочери взвизгивает и прячется за моего мужа.

– Не надо, Милаш, – обнимаю ее за плечи. – Не стоит.

На нас в открытую пялятся другие покупатели и с беспокойством поглядывает девушка, выдающая номерки у входа в примерочные.

– Мама! Как же так? – рыдает моя девочка.

– Без глупостей, солнце, – глажу ее по голове.

– Ксения... – зовет любимый голос, от звука которого все внутренности сжимаются, вызывая мучительную боль.

Отпускаю Милану и оборачиваюсь к парочке, наблюдая, как муж, спохватившись, заправляет рубашку в брюки.

– Вот, значит, как проходят твои офисные будни? – смотрю на него пристально и на Асю, что стоит красная как рак, прячась за фигурой моего супруга.

В зеркале вижу ее отражение. Она стоит лишь в трусиках, точнее, каких-то ниточках на ягодицах, что предположительно должны выполнять функцию нижнего белья. Но откровенно говоря, она просто голая. И прикрывает грудь предплечьями.

Стройная как тростиночка, с попой-орешком и упругой кожей. Да, такую любой бы хотел подмять.

– Ксения, что вы тут делаете? – берет себя в руки муж, будто не его только что застукали с расстегнутыми штанами в раздевалке с подругой дочки.

– Что мы тут делаем? – из меня вырывается смешок. – Это какой-то сюр! – разглядываю любовников. – Мы с дочкой, кстати твоей подружкой, Ася, – заглядываю за спину мужа, чтобы его мелкая шлюшка услышала меня, – покупаем подарки к Новому году и готовимся к празднику. А что ты делаешь тут, Богдан? Разве у тебя нет срочных встреч и совещаний? И как ты нашел возможность и время вывести бедную девочку по магазинам, чтобы она тебя благодарила за трату нашего семейного бюджета прямо в раздевалке?

Чувствую, как на смену онемению в груди все начинает жечь. И с каждым мгновением это жжение только усиливается, превращаясь в адское пламя.

– Ксения, давай поговорим дома, – супруг застегивает брюки и смотрит на меня с таким холодом, что мороз проступает на коже.

– То есть ты предлагаешь нам с дочкой сейчас со спокойной душой вернуться домой и забыть увиденное?

– Мы поговорим дома, – произносит он тверже.

– Папа, что ты такое говоришь! Ты и Ася! Зачем? – снова не выдерживает дочь.

– Здесь не место для выяснения отношений, – отвечает равнодушно самый лучший отец и идеал мужчины нашей дочери.

– Конечно! Но зато место для секса!

Я смотрю, как он оборачивается к брюнетке, которую я принимала у себя в доме с распростертыми объятиями.

– Оденься, – тихо говорит ей, посмотрев при этом с такой нежностью, с какой раньше смотрел только на меня.

И это проявление заботы, этот взгляд активируют спусковой крючок, запускающий наконец-то осознание случившегося апокалипсиса.

– Как ты мог? – говорю я спокойно, хотя внутри меня колотит. – И с кем? С подругой нашей дочери! – звучит громче. – Сестрой жены сына!

– Не истери, Ксюша. Тебе не идет, – оборачивается ко мне супруг.

– Тётя Ксюша, мы не хотели вас обижать... – мямлит голая девица, прячась за спиной моего мужа и так и не додумавшись одеться.

Надо же, а я была о ней лучшего мнения. Мне она казалась умной девочкой. А оказалась просто бесстыжей стервой.

– Обижать? Да вы вонзили мне нож в спину! Двадцать семь лет вместе! И вот твоя благодарность. Малолетняя ш...

– Поосторожнее с выражениями, Ксения! – говорит муж строго. – Ася не заслужила такого обращения.

Последняя фраза как удар.

– А я заслужила? Я же к тебе как к родной... – смотрю на девицу. – За что ты так?

– Ты поэтому со мной дружила, да? Вот кого ты все обхаживала? – кричит сзади Милана.

– Нет. Ты правда моя самая близкая подруга, – смотрит огромными зелеными глазами олененка Ася.

– А Марина знает? Твоя сестра в курсе, что ты решила нагадить в нашей семье? – больше не контролирую себя.

– Поезжай домой. Ни к чему публичные скандалы. Мы позже поговорим, – выходит из кабинки муж, задерживая штормку и пряча от любопытных взглядов свою малолетнюю ссыкуху.

– Папа, ты совсем охамел? – плачет дочь.

– И Милану заberi. Так бывает, Ксюша. Я влюбился. Но ты моя жена, и я вернусь к тебе. Буду дома к ужину.

От подобной наглости я теряю дар речи.

– То есть тебе еще и ужин готовить, пока ты тут?.. – кидаю взор на кабинку в ужасе. – Я не стану это терпеть. Развод!

– Лучше подумай, прежде чем кидаться громкими фразами. Я ведь могу согласиться и развестись с тобой, – как-то зло усмехается муж. – И с чем тогда останешься ты, Ксюша? Сможет ли твоя гордость удовлетворить все твои хотелки? И как ты будешь красоваться перед подружками?

– Извините, не могли бы вы покинуть наш салон, – вмешивается в нашу перепалку администратор.

– Конечно, – кивает муж, не отводя от меня взгляда. – Девушки уже уходят, – давит взором. – И больше не посмеют недостойно вести себя. К тому же к нам на ужин приедет Вадим, Марина и твой внучок Клим. Марина беременна. Поздравляю, ты снова станешь бабушкой, Ксения. Эта роль тебе очень идет, – нагло усмехается подонок, плюнув мне в лицо возрастом.

Глава 3

– Мама, как же так? – всхлипывает дочь на пассажирском сидении.

Я же вообще не в состоянии ни о чем думать. Грудную клетку сдавливает так, что там просто не остается места для боли.

Мне нечем дышать.

Да.

Это самое подходящее описание моего состояния.

Меня будто лишили кислорода.

Легкие вроде функционируют, но кислород закончился. Словно меня выкинули в открытый космос без скафандра погибать мучительной смертью.

Ведь так и есть.

Богдан был моим воздухом, моим всем. Я уже и не помню, как я жила до него. Кажется, что он всегда находился в моей жизни. Да и что значат двадцать семь лет осознанного существования против восемнадцати – детства и юношества, когда не то что жизни не знаешь, себя едва чувствуешь.

И теперь, как быть дальше, я не представляю. Меня будто выпотрошили изнутри, оставив оболочку, и хотят, чтобы она и дальше выполняла функции полноценного человека.

– Мама, что ты будешь делать? – слышу голос дочери, доносящийся до меня словно через толщу воды. – Мама?

Торможу на светофоре и чувствую, как на меня обрушивается весь кошмар случившегося. И в это мгновение вздрагиваю, услышав звук клаксона, оглушающего резким противным пискom, звучащим настолько громко, что кажется, у меня из ушей вытащили заглушки.

– Я не знаю, – говорю то, что чувствую.

Пока я не до конца осознаю масштаб катастрофы. Сердце кровоточит, и душа болит, но голова отказывается верить в увиденный кошмар.

– Ты действительно сейчас собираешься готовить ему ужин?

– Что? – изумленно смотрю на дочь. – Конечно же нет!

– Тогда что ты думаешь делать? Соберешь его вещи и выкинешь?

– Пока... пока я ничего не знаю.

Слишком много вопросов и мало понимания того, каким будет будущее.

Снова позади сигналит автомобиль. И я наконец-то трогаюсь с места. Меня обгоняет огромный джип, и мерзкий мужик, открыв окно, кричит:

– Тупая курица! Не умеешь водить – нехрен за руль садиться! – жмет на газ и уезжает вперед, оставляя после своих слов горький осадок, что наслаивается на случившееся в торговом центре.

Глаза жжет, изображение становится мутным, а в горле стоит такой ком, что я уже не в состоянии его сдерживать.

– Мамочка! – испуганно говори Милана. – Мамулечка, припаркуйся, пожалуйста.

На автомате сворачиваю на обочину и, закусив нижнюю губу, чтобы не разрыдаться в голос, прячу лицо в ладонях.

Меня колотит, а из глаз льются потоки горьких слез.

Я не понимаю, почему муж поступил так со мной.

Ведь у нас и в спальне, и вне ее все было прекрасно. Я никогда ему ни в чем не отказывала. Но не растворялась в муже. Занималась спортом, регулярно посещала косметолога и массажиста. Да и не делала я Богдана пупом земли.

Да, я помогаю ему в бизнесе. Занимаюсь организацией его деловых встреч. Потому что только моему вкусу доверяет супруг, игнорируя секретарш, занятых другими вопросами. А производить сильное впечатление он любит и привык быть лучшим во всем.

Поэтому пускать пыль в глаза его партнерам – моя задача.

И когда я поняла, что мне нравится заниматься этим, а друзья и знакомые наперебой стали просить меня организовать для них какое-то мероприятие, я стала это делать, сначала на бесплатных началах, а затем, когда пошла благодарность в денежном эквиваленте, начала выставять цену за свои услуги.

Таким образом и появилась моя небольшая студия, занимающаяся организацией важных для людей событий.

У меня нет своих сотрудников. Я, как правило, нахожу артистов или обслуживающий персонал согласно запросу клиента.

Муж только поддерживает мое желание реализоваться. Да и льстит ему, когда меня хвалят со всех сторон. Статус для мужа очень важен. А чем дальше уходит моя слава организатора, тем более статусной женой я становлюсь.

Так неужели это все, что ему от меня нужно? Статус?

– Мама, – обнимают меня руки дочери. – Мамочка, – вздрагивает она вместе со мной, лежа щекой на моем затылке.

Мы оплакиваем с дочкой ее примерного отца и нашу прекрасную семью, прекратившую существование в канун Нового года. Мы обе понимаем, что как прежде не будет. И мне нужно принимать решение.

– Ты разведешься с ним?

– Да, – стараюсь взять себя в руки. – Я не готова к тому, чтобы он приходил ко мне от другой женщины. Не стану готовить ему и притворяться, будто все в порядке.

– Думаешь, он тебя отпустит?

– А куда он денется, – тяжело выдыхаю. – Жить с ним под одной крышей я не буду.

Милана отстраняется от меня, а я вытираю слезы, думая о том, что делать дальше.

– Как думаешь, Марина знала о том, что Ася с папой?.. – несмело спрашивает она.

– Не знаю, доченька, – глубоко вдыхаю и выдыхаю воздух через нос. – Хотелось бы сказать, что нет. Но оказывается, я совсем не разбираюсь в людях.

– Они придут на ужин. Надо позвонить и сказать, чтобы не смели заявляться, – тянется она за смартфоном, а мне приходит в голову мерзкая и эгоистичная идея.

– Не надо. Пусть приходят. Сегодня мы проясним, сколько гнилых зерен в нашем саду.

– Что будет, если выяснится, что она была в курсе?

– А что делают с гнилыми овощами? – смотрю на дочь. – Они отправляются на помойку. И я уж точно хранить гниль не собираюсь.

Глава 4

– Мам, ты как? – заглядывает ко мне в спальню дочь.

Сажу перед зеркалом с расческой в руках и смотрю в одну точку, не двигаясь.

– Я? – голос дочери приводит в чувство. – Вот, готовлюсь, – ловлю свой образ в отражении и начинаю расчесываться.

Как только мы вернулись, я провела в ванной, наверное, целый час. Плакала там и жалела себя до тех пор, пока не наступило какое-то оцепенение.

Мысли полностью испарились, и кажется, вместе со слезами исчезла и боль. Лишь чертова картинка с изображением моего мужа, который застегивает в примерочной брюки, и голой девицы рядом с ним, ровесницы нашей дочери, никак не хочет испаряться. Она будто выжжена на сетчатке и останется там навсегда.

– Я заказала ужин, – говорит дочь тихо. – Ты уверена?

– О да! Теперь я жду этот ужин, – начинаю рьяно драть расческой волосы. – Накормлю твоего отца так, что на всю жизнь запомнит. Просил ужин – он его получит.

– До сих пор не верю, что он смог, да еще и с Асей...

Для дочки случившееся стало не меньшим потрясением, чем для меня. И теперь, похоже, ей потребуется профессиональная помощь, чтобы она после такого не перестала доверять не только мужчинам, но и людям в целом. Потому что кажется мне, что близко к себе она уже не подпустит никого. И появятся проблемы с тем, чтобы дружить с кем-то.

– Хотела бы я сказать, что им прилетит бумеранг, дочка. Но, как показывает практика, бумеранги либо где-то теряются по дороге, либо запаздывают на десятки лет, когда их актуальность исчезает, – беру в руки щипцы и начинаю подкручивать волосы. Я выйду на этот чертов ужин королевой.

И пусть Богдан слепо верит, что никуда я от него не денусь, но ему придется запомнить меня именно такой: красивой, холодной и неприступной. Потому что он потерял меня, даже не в тот момент, когда мы уличили его в измене, а гораздо раньше, когда вообще подумал посмотреть налево.

– И что теперь будет? Ты просто смиришься и позволишь ему наслаждаться новыми отношениями? Боже, да он же ее старше больше чем в два раза! – морщится Милана.

– Если у него еще будет желание наслаждаться хоть чем-то, когда я закончу, то пусть. Но что-то подсказывает, что как только я закончу с ним, он будет в ужасе шарахаться от всех женщин в целом.

– Разведешься с ним?

– Это даже не обсуждается. Тут нет другого варианта. Что бы твой папаша себе ни навывдумывал, но он, кажется, совсем умом тронулся, если решил, будто я стану сидеть и ждать его с б... после другой женщины. Он забыл, на ком женился. Но я ему напомню. Завтра же встречусь с адвокатом!

– Правильно, мамулечка! Такое нельзя прощать! – говорит дочь с жаром. – Я тоже его не прощу.

Я смотрю на отражение дочки в зеркале, и меня разрывает от гнева, что этот начавший сидеть кобель уничтожил не только меня и наш брак, но и всю нашу семью. Но самое худшее, что из-за него разбился на осколки мир нашей принцессы.

– Ты не обязана отдаляться от него, – произнести это стоит огромного труда. – Все же он твой отец.

– Нет! Он старый извращенец и подонок! Не нужен мне такой отец! Завтра же я найду тебе нового мужчину. Который будет носить тебя на руках и даст фору этому... козлу, – говорит она с жаром.

– Боюсь, что на мужчин я теперь долго не смогу смотреть.

Да даже думать в этом направлении тошно. Меня перекашивает от отвращения и начинает мутить.

Никаких мужчин! Хватит!

– От этого бы избавиться, – произношу, подавляя тошноту.

– Мама, все будет хорошо. Вот увидишь. Ты у меня такая молодая и красивая! Да на тебя же мои друзья даже заглядываются!

– А вот этого не нужно! Не хватало, чтобы еще и меня записали в извращенки.

– Я ж не к тому... – смущается дочь.

– Все в порядке, солнце. Я поняла тебя. И спасибо, доченька, за поддержку.

Убираю шипцы, прохожусь по подкрученным прядям каре расческой и фиксирую укладку лаком, а потом принимаюсь за макияж.

– Безумно красиво получилось! – хвалит мой образ дочь. – Пойду тоже переоденусь.

Я отправляюсь в гардеробную. Хочется чувствовать себя уверенно и сексуально.

Конечно, у меня фигура и кожа не двадцатилетней девочки, но я выгляжу моложе своих лет. И многие не дают мне больше тридцати трех.

Я стараюсь держаться за эту мысль, выбирая похоронный наряд. Сегодня мы официально закопаем наш брак и нашу семью.

Надеваю красное кружевное белье. Лиф без бретелек. Натягиваю чулки, а сверху красное вечернее платье, с разрезом до середины бедра. И завершаю образ лодочками на высокой шпильке.

Ужин привозят за десять минут до того времени, когда мы привыкли садиться за стол всей семьей.

Нина, наша помощница по дому, накрывает на стол. И я слышу звук мотора за окном.

Через пару минут в комнату врывается Милана.

– Мама, приехали! Вадим с Мариной и Климом.

– Иду! – не хочется, чтобы ребенок становился свидетелем той безобразной картины, что развернется за ужином. Придется попросить Нину отвлечь малыша.

Набираю побольше воздуха в легкие и, нацепив на лицо улыбку, выхожу из спальни. Спускаюсь по лестнице и вижу, как сын и невестка снимают верхнюю одежду, а Нина помогает раздеться Климу. В этот момент в дом заходит Богдан и все взгляды устремляются на меня.

– Ого! – слышу восхищенный возглас сына. – У нас что, праздник?

– Да, милый, – подхожу к нему и целую в щеку, игнорируя пристальный взор мужа. – Сегодня важная дата! И этот день мы будем помнить до конца своих дней.

Глава 5

– Прошу к столу! – радушно приглашаю собравшихся.

Сын с женой и моим внуком проходят в столовую, и я жду, когда их примеру последует супруг. Но Богдан останавливается напротив меня, довольно улыбаясь. А я чувствую, как от него несет чужим женским парфюмом. Легким и цветочным, таким, каким пользуются молодые девочки. И осознание того, что он даже не собирается принять душ и привести себя в порядок после другой женщины, бьет не только по самолюбию, но в полной мере открывает глаза на то, с каким чудовищем я жила.

Он же ни во что меня не ставит! И эта мысль внезапно отрезвляет меня.

Богдану плевать на мои чувства. У него даже не осталось ко мне какого-то элементарного уважения.

Ведь он не был таким. Он всегда казался внимательным и чутким.

Так что с ним стало?

Неужели действительно влюбился и все эти бабочки, что стремительно погибают внутри меня, вскружили ему голову и превратили его мозги в кашу?

И сейчас он думает, что смог прогнать меня под себя и удобную для него ситуацию. Только для этого мужчины станет сюрпризом то, что никто не собирается выполнять его хотелки, смиренно сидеть дома, не возникая. Для него станет сюрпризом то, что я не стану держаться за него и этот брак.

Более того, прямо сейчас, глядя в его глаза, я понимаю, насколько он омерзителен и как сильно я хочу избавиться от него.

Вот так в одночасье он перечеркнул практически тридцать лет любви и уважения. Превратив все хорошее в пепелище.

– Умница, Ксения, – обращается он ко мне официально, будто я не его родная жена, а одна из его офисных сотрудниц.

Ну и подонок! Так и хочется замахнуться и вlepить ему звонкую пощечину. Да такую сильную, чтобы у него в ушах зазвенело.

– Я знал, что ты все правильно поймешь. Семья – это святое. И нельзя все рушить из-за кратковременной вспышки.

– Кратковременной вспышки? – смотрю на него, поражаясь тому, насколько он стал циничен и слеп. – А твоя “вспышка” в курсе, что ты с ней кратковременно? – стараюсь держать эмоции под контролем и не выдать себя.

– Разумеется, – усмехается он так, будто это я глупая дурочка и собираю всякую ерунду. – Она знает, что семья для меня важна.

– Для тебя или для твоего имиджа? – знаю ответ на этот вопрос, но хочу услышать его от Богдана.

– Причем тут имидж? Мы почти тридцать лет вместе, Ксения. У нас устоявшийся быт, дети и внук. Ты идеальная жена, и я не ищу другой. А то, что между мной и Асей, – это те самые эмоции, что помогают мне почувствовать себя вновь молодым.

– Так, может, тебе съехаться с ней, чтобы не терять это ощущение рядом со старой женой, которой идет быть бабушкой и которая не способна внести искру в твою жизнь? – поражаюсь собственной выдержке и хладнокровию.

– Мне кажется, мы это только что обсудили, – говорит он немного жестче. – Я ценю свой комфорт и не стану его разменивать на то, что не продлится дольше года. Ну или, может быть, пары лет.

Пары лет?

От таких рассуждений у меня волосы шевелятся на голове.

– А мне что прикажешь делать эти пару лет? – из меня вырывается смешок. – Самоудовлетворяться игрушками?

– Прекрати, Ксюш. Постеснялась бы при живом-то муже, – криво усмехается он. – Я ж не отказываюсь от супружеского долга. Между нами все как и прежде. За исключением того, что порой я буду ночевать вне дома.

– И когда же ты, любимый муж, успел поменять веру?

Урод! Самый настоящий моральный урод. Иначе я его не могу назвать. И чем больше он говорит, тем сильнее освобождает меня от груза вины, что я повесила на себя, задумав этот ужин.

– При чем тут вера?

– Ты рассуждаешь как человек, решивший завести себе вторую жену, что греховно в нашей вере. Деньги ведь ты на нее будешь тратить из семейного бюджета.

– Я буду на нее тратить то, что заработал самолично. Имею право распоряжаться своими доходами так, как сочту нужным. Поэтому не вздумай втягивать в это детей. Их наши дразги не касаются.

– Как скажешь, любимый, – улыбаюсь приторно-сладко. – Но и ты меня не унижай в их глазах.

– Что за глупости, конечно же не стану! – расплывается он в улыбке, словно Чеширский Кот. – Выглядишь потрясающе! Знал бы, что это так на тебя подействует, давно бы встряхнул тебя, рассказав обо мне и Асе.

– А как давно у вас длится связь? – во рту расплзается горечь от мерзкого и отравляющего разговора.

– Тебе ни к чему это знать. Пойдем ужинать, я голодный как волк.

Супруг звонко шлепает меня по ягодице, подгоняя к столовой.

Я сцепляю крепче зубы и стараюсь не показать своего отвращения.

Прохожу к столу.

– Ну наконец-то! – недовольно говорит Вадик. – Мы думали, уже и не дождемся вас.

– Прошу прощения за короткую заминку, – занимаю свое место по правую руку от Богдана, сидящего во главе стола.

Милана сидит ни жива ни мертва и, словно ястреб, следит за нами.

– Чем ты порадуешь нас сегодня, милая? – расправляет салфетку Богдан, постелив ее на колени, и поднимает крышку-клош со своего блюда, и замирает. – Что это? – на его лице ни следа от радости. Более того, он стремительно бледнеет.

– А это, любимый, королевский ужин! Лобстеры! – объявляю торжественно и вижу, как все лица за столом обращаются ко мне.

– Мам, – прокашливается Вадик. – Но у папы ведь аллергия...

– Но у нас-то ее нет, – улыбаюсь во все зубы и убираю свой клош с тарелки, вдыхая аромат. – Должна же быть и у нас в жизни яркая “вспышка”. А папе придется самому решать: выпить ненавистные таблетки и разделить с нами ужин или остаться голодным. Будь хорошим мужем, милый, и порадуй жену. Я ведь так старалась, и мне не хочется жаловаться детям на то, какой ты неблагодарный, – смотрю пристально на Богдана и жду его реакции. Насколько далеко он готов пойти ради того, чтобы не рассказывать детям о своей интрижке? Или они все-таки в курсе?

Глава 6

– Так, – звучит грозный голос Богдана. – Если это какая-то шутка, то браво, Ксения, и я жду свой настоящий ужин.

Он сверлит меня взглядом и ждет, что я ему скажу: “Ха-ха-ха, милый, конечно же, никто травить тебя не будет, потому что я тебя люблю и беспокоюсь о тебе”.

Вот только его ожидания останутся только его ожиданиями, потому что мне с этого дня глубоко плевать на то, жив этот козел или подох в сточной канаве. А сейчас мне безумно хочется, чтобы произошло именно второе. Лучше быть вдовой, чем терпилой, встречающей мужа дома после любовницы.

– А нет никакого другого ужина, любимый, – смотрю на него и хлопаю глазками, как та невинная лань, на которую он повелся.

– То есть? – Богдан кладет кулаки на стол и сводит брови вместе.

Надо же, какой суровый и грозный, того и гляди кулаком по столу ударит и будет требовать от жены еды.

– Сегодня на ужин омары, заказанные в ресторане, – беру щипцы и разрезаю панцирь. – Недовольные могут поесть салат.

Скулу жжет от гневного взгляда мужа, и я слышу его драконье дыхание. Он пыхтит так, будто действительно собирается раскопегарить свои легкие до того состояния, чтобы они выпускали огонь. Но я не реагирую на него.

– Ксения, шутка затянулась. Я требую свой ужин.

– Богдаш, – поворачиваюсь к нему и продолжаю хлопать глазками, – я же сказала, это единственное блюдо на сегодня. Или ты внезапно стал плохо слышать?! Ай-ай, давай покажемся специалисту? А то ты витаешь где-то. Не слышишь, о чем мы говорим.

Боковым зрением вижу, насколько напряжена Милана и как за нашей перепалкой с раскрытыми ртами наблюдают сын и невестка.

– Баба, – спрыгивает со стула Клим и подходит ко мне. – Иглать идём, – тянет меня за платье.

– Котик, бабуля к тебе чуть позже подойдет. Ты уже наелся, наше солнышко? – беру со стола салфетку и вытираю рот внуку.

– Да, – кивает он.

– Вот и умничка! – целую его в лоб. – Поиграй, дорогой, с Ниной. Ниночка! – зову помощницу, что мгновенно вырастает в столовой.

– Да, Ксения Борисовна?

– Поиграй, пожалуйста, с Климом, пока мы ужинаем.

– С удовольствием, – улыбается женщина, берет моего внука за руку и выводит из комнаты. – А пойдем посмотрим, как там поживают рыбки!

– Идем! – радостно соглашается внучок и выходит из столовой, а я мгновенно чувствую прилив боевой энергии.

Я готова не просто вступить в схватку, но и развернуть полноценные боевые действия. Но пока я предвкушаю нашу дальнейшую битву и разговор с сыном и его женой. Мне хочется верить, что они не были замешаны в этой грязи, что развел муж в нашей семье. Но не могу рассчитывать на поддержку. Потому что даже в случае неведения Вадим прислушивается к Марине, а Ася – сестра Марины, которая ту всегда и во всем поддерживает. И возможно, может поддержать ее чувства.

У меня остается лишь надежда на здравый смысл невестки и её совесть. Все же жена сына – хорошая девушка.

– То есть ты предлагаешь мне жевать салат, как какому-то козлу? – снова напоминает о своей персоне хозяин этого дома.

– Почему как, милый? – надеваю перчатки и продолжаю чистить омара.

О! Эту фразу я не должна была говорить, чтобы не вызвать вот эту ненормальную реакцию.

Богдан закипает, словно чайник, у которого слетает от пара крышечка.

– Что ты себе позволяешь, Ксения! – стучит он кулаком по столу. – Выбирай выражения! И что, черт возьми, ты устроила здесь?

– Я? Я лишь хотела отметить этот вечер той едой, которую хочу сама, милый, – продолжаю лить елей. – Как-то так получилось, что я все эти двадцать семь лет на первое место ставила твои желания. Следила за тем, чтобы ты не ел запрещенную пищу, и вообще следовала твоим пожеланиям, но как-то совершенно забыла, что можно ведь съесть на ужин именно то, что люблю я сама. А люблю я омаров, – скажусь, стараясь не перейти на крик.

За столом гробовая тишина, а взгляды детей мечутся между мной и мужем.

– Мама, – тихо говорит сын, – что происходит? – наконец-то начинает доходить до нашего первенца, что не все в порядке.

– У нас сегодня с твоим папой праздник. Не мог бы ты разлить игристое? – киваю сыну на бутылку в ведерке со льдом.

Вадим задумчиво переводит взор с меня на отца, затем на бутылку, после чего тянется к ведерку и открывает пробку.

Со шлепком из горлышка вырывается дымок, и сын разливает напиток по фужерам. Только своей жене подливает в бокал сока.

– Ксения, я не знаю, что ты задумала, – рычит муж, – но самое время остановиться.

– Я что задумала? – удивленно хлопаю глазками. – Мы с тобой вроде все обсудили, милый. И сейчас я хочу за это выпить.

Обхватываю тонкую ножку и поднимаю бокал.

Остальные участники ужина осторожно следуют моему примеру.

– Дорогие дети! Сегодня у нас с вашим папой настоящий праздник. Мы прожили в браке двадцать семь лет и, кажется, испытали все! Были и взлеты, и падения. Но с годами все приглушается. И нам хочется встряхнуть нашу жизнь и получить новые эмоции. Поэтому мы пришли к новому этапу, – поворачиваюсь к мужу, посылая ему улыбку.

– Остановись, – рычит он. Но мне плевать на угрозы.

– Теперь мы с вашим папой будем жить в открытом браке!

– Что? – слышу изумленные возгласы.

– Да, детки. Теперь у нас не эксклюзивные отношения. Ваш папа уже начал пробовать этот формат, а я пока еще в поиске достойного партнера. И раз вы так любезно подобрали девочку отцу, то, может, и мне посоветуете кого-то из своих друзей, сынок?

– Что за бред?

– Не бред. Ваш папа ударился во вторую молодость с Асей. И я тоже хочу кого помоложе!

Глава 7

В столовой стоит звенящая тишина. Восемь пар глаз направлены на меня и то, как я, пригубив игристое, возвращаю внимание к омару. Кожу жжет от их взглядов, но я игнорирую всеобщее недоумение.

Милана должна понять мой ход. А если и нет, то я объясню ей позже. Сейчас меня интересует реакция сына и его жены.

Ах да! То, как мой некогда любимый муж замирает, меня тоже забавляет. Кажется, что у него вот-вот глаз задергается.

Но я ем и не реагирую на те восковые маски, в которые превратились лица моей любимой семьи.

– Не понял... – наконец-то подает голос Вадик, прокашлявшись. – Мам, это ты сейчас репетировала стендап какой-то? Что за спич такой дикий?

– Не слушай свою мать, – хрипло говорит муж, но дает петуха. И меня это еще сильнее раздражает.

Сволочь такая! Ждать, пока ты нагуляешься, и не только предоставлять тебе уют и привычный покой, но и в супружеском долге не отказывать. Это ж надо было предложить мне такое?!

Кобель плешивый! Ладно, с плешивым я перегнула. Богдан очень хорошо сохранился. И неудивительно, что молодые девочки видят в нем секси папика. Но мне от этого не легче!

После такого он не может быть моим мужем. И точка! Большая, жирная точка, и даже, возможно, с брызгами вокруг.

– Сегодня, наверное, у вашей мамы не самый благоприятный день месяца, – продолжает делать из меня ненормальную муж.

– Никакого стендапа, сынок, – поднимаю глаза к Вадиму, игнорируя Богдана. – Я сказала все как есть. Мы с папой открыли брак. Он уже всю использует свое право. Правда, выбор его оставляет желать лучшего. Все же такая юная девочка, да еще и подруга Милаши... Как она потом будет справляться с разбитым сердцем, я не представляю.

– Так про Асю это не шутка? – Вадим вмиг каменеет, переводя взор с меня на отца и обратно. – Ты какую Асю имеешь в виду? – вижу, как напрягаются его челюсти. – Нашу Асю?

– Сынок, а ты знаешь каких-то других? Да еще чтобы и подругами твоей сестры были?

Взгляд сына вспыхивает, и он смотрит на отца.

– Это что, правда?

Богдан сидит, высоко вздернув подбородок, и буравит взором Вадима, при этом сжимая и разжимая кулак. А так он делает, только когда теряет контроль и выходит из себя.

– Да, это правда. У меня отношения с Асей, – говорит он, играя желваками.

– В смысле “отношения”? – вспыхивает сын. – А как же мама? Да, блин! – морщится он. – С Асей?! Она же соплячка совсем! Ты в своем уме? – у сына такое выражение лица, будто ему под нос кто-то навалил кучу. – Или у тебя крыша стала подтекать на старости лет? Это... это почти педофилия!

– Она давно совершеннолетняя! Не передергивай!

Вадим никогда не умел контролировать эмоции. Наблюдаю за тем, как бурно он реагирует на новости о папашинем загуле, и на душе становится спокойнее. Дети меня не предавали. И пусть это не отменяет того, как поступил со мной муж, но все же чувствую, как с плеч падает груз и от сердца отлегают тревога. Мои дети – моя опора.

– Попрошу без выражений! – муж все еще надеется, что после случившегося будет иметь авторитет у детей.

Никогда и никто не смел ему слова поперек сказать. Папино слово – закон. Он априори не может быть не прав. И дети заглядывали ему в рот, ловя каждое слово. Сын хоть и был больше моим мальчиком, но отца уважал и не оспаривал его авторитет. Про дочь и вовсе можно не говорить. Папа – лучший мужчина на земле и самый любимый папочка.

Ведь не зря Богдан не хотел, чтобы до детей дошли новости о его влюбленности. Понимал, мерзавец такой, что тогда упадет в их глазах на дно.

Но тогда какого лешего он поступил так со всеми нами? Ради чего? Неужели там действительно такая любовь? Тогда почему он просто не даст мне развод и не уйдет с головой в новые отношения?

Так нельзя же. Наше окружение не примет его девочку в качестве спутницы. И репутация будет погублена.

– А как, по-твоему, я должен реагировать на эту дичь? – вспыхивает сын еще ярче.

– Сын, мы поговорим с тобой после ужина в спокойной обстановке.

– Какая спокойная обстановка?!

Виджу, как невестка кладет руку на предплечье Вадима, но он выдергивает руку.

– А ты, мама? Для тебя это нормально, что ли? Ты почему такая спокойная?

– Сын, – делаю глубокий вдох. – Сначала у меня была точно такая же реакция, как и у тебя. А потом я решила, что раз так случилось, то я должна поискать плюсы в сложившейся ситуации.

– Да какие на хрен плюсы?

– Тоже хочу вновь почувствовать бабочек в животе.

– Мам, ну какие бабочки? Вам лет по сколько? Хотите гулять – делайте это тихо, как все вокруг! Нас зачем посвящать в это?

– Потому что я не хочу недопониманий и лжи! Презираю лжецов и сама не хочу становиться такой! А бабочки... Такие же, какие порхают у твоего отца при виде сестры твоей жены.

– Вадим, тише. Видишь, у них любовь, – тихо шепчет ему Марина.

Сын замирает, а затем поворачивается к жене.

– У кого у них? – цедит он сквозь зубы. – Я не пойму, ты что, все знала? – с ужасом смотрит на супругу.

И по тому, как мгновенно пунцовеют щеки невестки, я вижу, что ответ на вопрос Вадима положительный. Марина все знала об интрижке сестры с моим мужем.

Глава 8

– Марина! – угрожающе гремит голос сына, и я вижу, как искажается в настоящем гневе его лицо. – Отвечай на вопрос!

Таким я его еще ни разу не видела. Это будто не мой мальчик, а совершенно незнакомый мне жуткий мужчина, у которого во взгляде пляшут языки адского пламени.

Невестка переводит взор на мужа и мгновенно бледнеет.

– Я... – сипло говорит она. И по ее испуганному выражению лица можно подумать, что она готова грохнуться в обморок.

– Я жду! – давит на нее Вадим.

– Сын, выдохни, – вмешивается Богдан, но Вадик игнорирует отца. – Твоей жене сейчас плохо станет.

– Моей? – рывкает на него сын, посмотрев с таким презрением, что в глазах Богдана даже мелькает что-то такое странное, чего я не видела раньше. – То, что происходит с моей женой, тебя не касается! Ты бы лучше о своей подумал! Ты хоть на мгновение задумался, как плохо маме от твоей интрижки? Или весь мозг перетек в пах?

– Думай, что говоришь, шенок! – муж мгновенно звереет, и конфликт приобретает совершенно иной оборот.

Я не планировала всеобщей драки. Мне просто хотелось вывести на чистую воду предателей. Вскрыть рану и выпустить гниль, чтобы остановить заражение. Но мужчины, кажется, решают перейти к открытому конфликту.

– Я все еще твой отец! С каких пор яйца курицу учить стали?

– С тех пор, как эта курица, точнее петух, – выплевывает с отвращением сын, – топчет неокрепших курочек, с пушком вместо перьев.

– Это тебя вообще не касается. Разбейся со своей жизнью!

– А то, что ты трахаешь младшую сестру моей жены и подругу моей сестры, – это, по-твоему, тоже какая-то хрень собачья, не имеющая значения? То, что ты мать выставил душой, променяв на малолетку и притащив грязь в семью, – это тоже меня не касается? Да ты же все обосрал! – кажется, что сын испепелит отца взглядом. – Ты... – хочет оскорбить отца, но не успевает.

– Вадим, – обрываю я сына, решив прекратить этот скандал. – Давай не будем опускаться до оскорблений и перестанем устраивать балаган.

– То есть тебя это устраивает? – обращает он ко мне колкий взгляд.

– О моих чувствах мы поговорим позже. Когда останемся наедине, – мажу взором по дочери, что сидит ни жива ни мертва.

Для нее все происходящее напоминает настоящий кошмар, впрочем как и для меня. Но для Миланы это все чересчур.

– Милаш, если тебе нехорошо, то можешь пойти к себе.

Дочь вскидывает на меня изумленный взгляд.

– Нет, мама. Я останусь с тобой, – отвечает она твердо, в очередной раз за этот бесконечный день поражая своей стойкостью.

– А Милана когда узнала? – резко переводит внимание на сестру Вадим.

– Тогда же, когда и мама, – отвечает холодно дочь.

– А к чему тогда это все?

– Я уже ответила на твой вопрос, – вытираю губы салфеткой. – Твой отец не намерен разводиться. А я не намерена жить в прежнем формате, когда он гуляет налево, а я, как покор-

ная женушка, сижу и жду его дома. Нет. Если он будет препятствовать мне с разводом, тогда я буду строить свою личную жизнь у него на глазах.

– Какая личная жизнь? – мгновенно реагирует на мою провокацию муж.

– Та самая, которая не включает тебя, – сталкиваемся взглядами, пытаюсь продавить друг друга.

– Это не обсуждается!

– У тебя молодая девочка. Хочешь любить ее – пожалуйста, вперед. Дай мне развод и со спокойной совестью совокупляйся с ней, как животные, там, где нужда накроет. Или не мешай мне жить своей жизнью.

– Ксения, мы, кажется, с тобой уже все обсудили, – рычит он сквозь зубы.

– Это ты озвучил свои извращенные фантазии. Никто тебе не обещал их выполнять.

– Так, – хмурится Богдан и трет лоб, будто у него разыгралась мигрень, – это уже какой-то цирк.

– Не нравится – тебя никто не держит за столом, Богдаш, – снова улыбаюсь я так, как делает примерная жена. – Я с детьми прекрасно все обсужу без тебя.

– Ну уж нет! – снова перехватывает внимание Вадим. – Я еще не получил ответа от жены.

– Какого? – дрожащим голосом спрашивает Марина.

– Ну, любимая, – усмехается сын, – вот ты хотя бы не придуривайся. Тебе не идет. Как давно ты знаешь о шашнях твоей сестры и моего отца?

– Я... – мнется Марина и бросает на Богдана странные взгляды. Будто дожидаясь от него разрешения.

– На него не смотри. Тебе не с ним жить – со мной.

Невестка вздрагивает и наконец-то смотрит на Вадима.

– Ася... давно мне говорила, что влюблена в твоего отца, – наконец-то обретает голос Марина. – Но я не думала, что она действительно решится его соблазнить.

– Так, значит, она намеренно подставилась моему отцу? – мрачнеет сын.

– Нет! Но все равно у твоего отца с матерью давно ничего нет. Иначе бы он не обратил внимания на Асю, – тараторит эта дурочка, а из меня вырывается истерический хохот.

– Что? – смотрит она на меня. – Что я не так сказала?

– Все, милая моя, – тянусь за бокалом, чтобы хоть немного успокоиться. – Спешу разочаровать вас, глупеньких девочек, но в этом плане у нас все в порядке... было, – не забываю добавить, что все в прошлом. – И к тому же Богдан перед ужином обещал мне исправно исполнять супружеский долг, независимо от наличия молодой любовницы.

– Но разве так можно? А как же Ася? – окончательно разбивает мне сердце эта милая девочка, которую я считала второй дочкой.

– Ася? – больше не чувствую к ней нежности. – А как же я, мать твоего мужа и бабушка твоего внука, ты не хочешь узнать, мерзавка? – меня начинает трясти. – Вот только представь, Климушка вырастет, приведет к вам девушку знакомиться. Ты примешь ее как родную. Они пожениятся и родят детей. Вот только ты спустя какое-то время узнаешь, что Вадим трахается с ее сестрой или, того хуже, с ней самой. Как тебе такой расклад, милая?

Марина вспыхивает. Открывает и закрывает рот.

– Правильно. Вот и мне не нравится. А теперь встала и пошла вон из моего дома! И чтобы духу твоего здесь больше не было!

– Но, Ксения Борисовна... – растерянно хлопает глазами она.

– Ненавижу предателей, глупцов и крыс. А у тебя, Мариночка, комбо. Поэтому будь добра, покинь мой дом, – смотрю на нее пристально, следя за тем, чтобы она выполнила сказанное.

В столовой царит тишина, и даже Вадим не заступает за жену. Я уже жду, когда она поднимется, но Богдан в очередной раз портит мне планы.

– Никуда она не пойдет! – вмешивается муж. – У тебя нет права выгонять ее.

– Вот как? – усмехаюсь. – Ну тогда, Мариночка, наблюдай, что будет с твоим браком через двадцать пять лет. А с тобой, Богдан, мы впредь будем разговаривать только на одну тему – развод.

– Не бывать этому. Или можете забыть про инвестиции в проект Вадима, – бьет по самому больному.

Все сосредотачивают внимание на нем.

– Что смотрите? – хмыкает он. – Тебя, Вадим, это тоже касается. Либо ты закрываешь свой рот и мы живем как раньше, либо я прикрываю твою богадельню. Выбирайте, любимые, – и наконец-то осушает свой бокал.

Глава 9

Слова Богдана еще звенят в воздухе, а сам он сидит с самодовольной рожей и делает вид, будто поставил не только сыну шах и мат, но и мне. Ведь без поддержки детей я же не решусь пойти до конца. Так он мыслит?

Смотрю на него и думаю, где все эти годы пряталась та грязь, которой он так щедро поливает нас сегодня?

Ну ладно я надоела, захотелось молодого тела, чтобы создать иллюзию того, что у него, как и у его девочки, вся жизнь впереди. И пусть Богдан тешит себя этой мыслью, хотя молодость для него – прошедший этап. Он еще не старик, но уже не будет расцветать и становиться сильнее и привлекательнее. Теперь его мужественность пойдет на спад. И, видимо, так он попытается сорвать последние плоды уходящей молодости. А потом будет превращаться в переспевший фрукт, который молодая любовница либо отправит в отставку спустя время, либо будет дурить, используя только в качестве денежного мешка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.